

В. В. Файер

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ АРИСТАРХА НА РУКОПИСНУЮ ТРАДИЦИЮ «ИЛИАДЫ»

Резюме. Аристарх Самофракийский некоторые стихи «Илиады» признавал неподлинными и исключал, а некоторые только подвергал атетезе. Возможно, и текстуальные варианты Аристарха можно разделить на две аналогичные группы: (1) имевшиеся в его исходном тексте и (2) встречавшиеся в его комментарии. Если принять такое разграничение, открывается путь к решению одного из важных парадоксов влияния (или отсутствия влияния) филолога на традицию: с одной стороны, число стихов в гомеровской вульгате соответствует изданию Аристарха, с другой стороны, большинство его чтений отсутствуют в рукописях «Илиады».

Ключевые слова: Аристарх, Зенодот, Птолемей VIII, текстология, схолии, Гомер

Вопрос о мере влияния Аристарха на рукописную традицию гомеровских поэм остается одной из ключевых проблем гомероведения, побуждающих высказывать новые гипотезы и предлагать важные уточнения. Суть проблемы заключается в труднообъяснимом соотношении двух фактов: (1) с одной стороны, в середине II в. до н. э., то есть к концу деятельности Аристарха на посту директора Александрийской библиотеки, в Египте происходит стандартизация рукописной традиции, которую естественно связать с деятельностью великого филолога; (2) с другой стороны, подавляющее большинство чтений Аристарха не попадает ни в античные папирусы, ни в средневековые рукописи, а встречается либо только в схолиях, либо еще и в единичных манускриптах.

Пытаясь решить эту проблему, некоторые исследователи подвергали сомнению первый факт. Так, М. ван дер Фальк считал, что т.наз. «дикие» или «эксцентричные папирусы», которые предшествуют предполагаемой стандартизации, были специфически египетским явлением, которое со временем исчезло в ходе эллинизации (van der Valk 1963: 282–3). В этом случае на гомеровскую вульгату

александрийские филологи существенно не повлияли¹. Этому, однако, противоречат исследования Г. Боллинга и М. Апторпа, которые показывают, что число стихов в гомеровской вульгате и издании Аристарха совпадают, что свидетельствует о влиянии александрийских филологов на рукописную традицию (Bolling 1944: 30).

Очевиден факт, что некоторые чтения Аристарха сохранились в схолиях или рукописях анонимно. В развитии этого тезиса Д. Е. Афиногенов² предположил, что очень многие чтения Аристарха проникли в традицию, так сказать, по умолчанию, поэтому указания на его авторство в схолиях отсутствуют. Из-за этого создается ошибочное впечатление, что влияние александрийского филолога на традицию невелико. В этом случае, однако, требует объяснения факт, что более 200 чтений Аристарха, принятых традицией, все-таки упоминаются в схолиях³, а также остается без ответа вопрос, почему сотни чтений авторитетного филолога были отвергнуты рукописями.

Некоторые исследователи пытаются примирить два упомянутых факта, ссылаясь на специфику книжного рынка: возможно, книготорговцы ориентировались на число строк, установленное Аристархом, так как это было важно с технологической точки зрения (объем рукописи и т. д.), но пренебрегали собственно чтениями филолога. В этом случае неясно, почему книготорговцы не стали переписывать «Илиаду» Аристарха? Почему публика признавала авторитетным мнение Аристарха о числе стихов, но игнорировала его чтения (Haslam 1997: 84)?

---

¹ Под гомеровской вульгатой понимается текст большинства средневековых рукописей, который в целом совпадает с чтением античных папирусов. Иногда говорят о доалександрийской вульгате, которая, если мы примем гипотезу М. ван дер Фалька, окажется тождественной нашей вульгате.

² Это предположение он выдвинул при обсуждении моего доклада на Чтениях памяти И. М. Тронского в 2004 году.

³ По подсчетам Т. Аллена, 80 чтений Аристарха присутствуют во всех рукописях, а 160 – в большинстве. Впрочем, как показывают мои подсчеты, данные Аллена нуждаются в перепроверке (Allen 1931: 199–204).

Еще один способ решить проблему недавно предложила авторитетный гомеровед Маргалит Финкельберг (Finkelberg 2006). Она связала стандартизацию гомеровского текста с Птолемеем VIII, учеником и гонителем Аристарха. Исследовательница указывает, что создание эллинистических библиотек было инициативой правителей, а не ученых, и напоминает, что власти играли большую роль в стандартизации текстов Ветхого и Нового Завета. Кроме того, Птолемей VIII сам интересовался критикой текста: он был автором конъектуры к Od.5.72⁴. Новый директор Александрийской библиотеки, назначенный после изгнания (или бегства) Аристарха в 144 г., не был ученым, поэтому решение о стандартизации гомеровского текста естественно считать инициативой самого Птолемея. Правитель, видимо, решил одобрить число стихов, установленное Аристархом, но отвергнуть чтения изгнанного им филолога (Finkelberg 2006: 235). Вообще, влияние властей на историю текста «Илиады» и «Одиссеи» велико: М. Финкельберг цитирует Г. Надя, указывающего на роль афинского государства в стандартизации гомеровского текста в VI в. до н. э. (Nagy 1996: 144)⁵. Далее исследовательница обращает наше внимание на тот факт, что Александрия была не единственным центром книжного производства в эллинистическую эпоху: нельзя забывать о Пергаме, Пелле и Антиохии. Именно из этого последнего центра, полагает М. Финкельберг, берет начало средневековая рукописная традиция Гомера. Подобно тому, как именно антиохийский текст Ветхого Завета считался наиболее авторитетным в Константинополе, именно антиохийская редакция гомеровских поэм могла лечь в основу официального ранневизантийского текста «Илиады» и «Одиссеи», считает исследовательница (Finkelberg 2006: 244).

---

⁴ Athen. II, 62c.

⁵ К этому можно добавить, что наиболее распространенная в настоящее время точка зрения о ранней записи поэм также предполагает участие кого-либо из власть имущих, иначе трудно объяснить, откуда взялись ресурсы для этого непростого дела.

Гипотеза о влиянии властей на стандартизацию гомеровского текста достаточно привлекательна. Однако парадокс, о котором говорилось в начале статьи, никуда не исчез. Вместо странного поведения книготорговцев, которых интересует *numerus versuum*, но не чтения Аристарха, мы видим нелогичное поведение Птолемея, который, изгоняя филолога, отвергает одни результаты его трудов и использует другие. Конечно, проще объяснить эту непоследовательность самодурством правителя, чем особенностями книжного рынка, но здесь уже мы вступаем в область сугубо гипотетическую. Если принять такое объяснение, то фактически любую странность в истории любого важного текста можно списать на иррациональное влияние какого-нибудь властителя. В истории такие влияния, надо думать, бывали, но с методологической точки зрения подобных объяснений следует избегать. Прекрасным доказательством версии М. Финкельберг был бы папирус, содержащий конъектуру Птолемея VIII к «Одиссее», но пока, насколько мне известно, такой документ не найден. Представляется, что стоит продолжать поиски объяснения обсуждаемого парадокса в данных рукописной традиции.

Одной из важных особенностей деятельности александрийских филологов был изобретенный Зенодотом и использовавшийся с тех пор многими знак атетезы – указание на сомнительный характер данной строки. Использование обела свидетельствует об осторожном отношении филологов к тексту: этот знак имеет смысл только тогда, когда данная строка оставляется в произведении, а не вычеркивается из него. Эта процедура сосуществовала с процедурой удаления строк: наряду со многими стихами, которые атетировал Аристарх, схолии сообщают о немногих стихах, которые он «не читал». Как полагают Г. Боллинг и М. Апторп, Аристарх атетировал только те стихи, которые были хорошо засвидетельствованы, а удалял те, которые были плохо представлены в традиции (Apthorp 1980: XV).

Можно сказать, что процедура атетезы обращена к гораздо более узкой аудитории, чем процедура удаления строки. Если аристархов экземпляр «Илиады» копируется

без комментария, то знаки атетезы фактически теряют смысл и, скорее всего, будут опускаться. Таким образом, легко представить себе, что часть работы Аристарха сохраняется в тексте копии (*numerus versuum*), а часть – пропадает (знаки атетез с объяснениями). Нельзя ли представить себе, что обычные чтения Аристарха тоже делятся на 2 эти группы? Меньшая часть его чтений – это варианты из текста «Илиады», который он в целом одобрял, бóльшая приведена в комментарии и из осторожности не внесена в основной текст. Однако в отличие от атетез и удалений последующая традиция не дает различных терминов для этих двух типов чтений Аристарха; возможно, что соотношение этих двух групп чтений его последователям не был вполне ясно⁶.

Возможно, именно двусмысленности понятия «чтение Аристарха» мы обязаны появлению многочисленных указаний на два альтернативных чтения филолога к одному и тому же месту. Почти всегда одно из этих двойных чтений хорошо засвидетельствовано традицией, а другое – нигде или почти нигде не встречается. Когда Аристарх колебался между чтением своей основной рукописи и каким-либо другим (конъектуральным или происходящим из другого источника), и колебания находили отражение в схолиях, источники эти двойные чтения.

Предлагаемая здесь гипотеза может успешно вписываться в контекст различных описаний деятельности Аристарха. Например, на вопрос о том, сколько было аристарховых изданий «Илиады» и какую форму они имели, можно в рамках этой гипотезы отвечать по-разному. Если мы вслед за Г. Эрбсе предположим, что существовали только одни *huronemata* Аристарха и текст вульгаты, к которому они относились, это не будет противоречить

---

⁶ Вообще, объяснения схолиев к чтениям Аристарха иной раз явно не принадлежат ему и носят более поздний характер. Есть основания предполагать, что даже близкие по времени к Аристарху филологи не имели четкого представления о многих аспектах его деятельности. Об этом свидетельствует уже одно название книги Аммония, ученика Аристарха, «О том, что не было нескольких изданий исправления Аристарха».

гипотезе о двух группах чтений филолога (Erbse 1959). Но и традиционная точка зрения о двух сериях комментариев Аристарха, одном прижизненном и одном посмертном его издании, согласуется с гипотезой о двух группах чтений.

Что касается гипотезы М. Финкельберг о влиянии Птолемея VIII на традицию гомеровских поэм, то и она не противоречит предлагаемому объяснению. Предположим, правитель велел распространить рукопись, которую и Аристарх, и он сам считали авторитетной. Распространяя вариант «Илиады» по своему выбору, Птолемей поддерживал свой престиж как культурного лидера и, возможно, подчеркивал бесполезность деятельности Аристарха, комментарии которого не распространялись вместе с новым изданием. В глазах Птолемея этот текст не был связан с именем изгнанного филолога, но для нас эта связь выражается в том, что Аристарх полагал неподлинными стихи, отсутствующие в этой рукописи.

Дальнейшие подтверждения гипотезы о двух сериях чтений Аристарха различного происхождения или, наоборот, аргументы против нее, может дать только исследование рукописной традиции и схолиев.

Литература

- Allen 1931 — Allen T. W. *Homeri Ilias*. Vol. I. Oxford, 1931.
Apthorp 1980 — Apthorp M. J. *The Manuscript Evidence for Interpolation in Homer*. Heidelberg, 1980.
Bolling 1944 — Bolling G. M. *The Athetized Lines of the Iliad*, Baltimore, 1944.
Erbse 1959 — Erbse H. *Über Aristarchs Iliasausgaben* // *Hermes* 87, 1959. S. 275–303.
Finkelberg 2006 — Finkelberg M. *Regional Texts and the Circulation of Books: the Case of Homer* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 46. 2006. P. 231–248.
Haslam 1997 — Haslam M. *Homeric papyri and transmission of the text* // *A New Companion to Homer*. Leiden—NY—Köln, 1997. P. 55–100.
Nagy 1996 — Nagy G. *Poetry as Performance. Homer and Beyond*. Cambridge, 1996.
Van der Valk 1963 — Van der Valk M. *Research on the Text and Scholia of the Iliad*. Vol. I. Leiden, 1963.

Summary

Aristarchus of Samothrace had excluded some verses from his edition of the *Iliad* (presumably those which were poorly attested in manuscript tradition) and had athetized some others (possibly those which were widespread). We may assume that his textual variants can also be divided in two similar groups: (1) those which were present in his edition (and were well attested in papyri) and (2) those which were cited only in his commentary (and were absent from most manuscripts). If we accept this hypothesis, it might help us to solve one of the important paradoxes of Homeric manuscript tradition. On the one hand, *numerus versuum* in ancient manuscript tradition is identical to mediaeval Homeric vulgate and to aristarchean edition (according to the mainstream view). That shows the influence of Aristarchus, because the standardization of Egyptian Homeric papyri concurs with the time of the great philologist. On the other hand, most readings of Aristarchus are absent from Homeric vulgate (only 30% of his readings, according to disputable calculations of T. Allen, can be seen in all or most manuscripts). That means on the opposite that the great philologist had little influence on the tradition. The suggested hypothesis can be in full or partly compatible with the others, e.g. the interesting assumption of M. Finkelberg about the role of Ptolemy VIII in Homeric tradition.